

РАЗОМКНУТЫЙ КРУГ

ВЯЧЕСЛАВ КОСОНОВ

Вячеслав Косоногов

Разомкнутый круг

«Автор»

2026

Косоногов В. Е.

Разомкнутый круг / В. Е. Косоногов — «Автор», 2026

В закрытом фонде Мискатоникского университета Элиас Вейл привык доверять каталогам больше, чем людям. Но однажды доктор Эвелин Мур просит рукопись, которой нет на своём месте, — и обнаруживает в ней строку, которую Элиас помнит иначе. Наутро меняется не только текст. Записи противоречат памяти, чужие шаги повторяют знакомый ритм, а в старых делах возникает знак разомкнутого круга. Чем глубже Элиас и Эвелин погружаются в историю рукописи, тем труднее понять, что она хранит: предупреждение, ловушку или выход. Чтобы не потерять собственную версию случившегося, им придётся научиться доверять друг другу — даже когда бумага становится убедительнее памяти.

Содержание

Глава 1. Книга не на своём месте	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вячеслав Косоногов

Разомкнутый круг

Глава 1. Книга не на своём месте

В библиотеке Мискатоникского университета книги терялись редко.

Люди — чаще.

Книги хотя бы оставляли след.

Карточку.

Номер.

Подпись прежнего владельца.

Пыльный прямоугольник на полке, если кто-то переставил том не туда.

У человека всё было сложнее.

Поэтому Элиас Вейл предпочитал работать с книгами.

В тот вторник дождь начался ещё до полудня и к четырём часам превратил университетский двор в серую, блестящую от воды чашу.

Студенты перебегали между корпусами, прижимая папки к груди. У каменных ступеней теснились мокрые зонты. Из главного читального зала время от времени доносился глухой кашель, скрип стула, шелест газет.

Ветер загонял влагу под арки и заставлял старые водостоки издавать звуки, напоминавшие очень большого человека, тяжело вздыхающего где-то внутри стены.

Элиас закрыл окно.

Проверил защёлку.

Из радиатора под ним доносилось неуверенное постукивание. Угольное отопление в западном крыле библиотеки обладало собственной системой взглядов на температуру и редко советовалось с сотрудниками.

Элиас вернулся к столу.

На столе лежали двадцать семь карточек.

Двадцать шесть — ровно.

Последняя выступала примерно на три миллиметра.

Он поправил её.

Теперь можно было продолжать.

Закрытый фонд находился в глубине западного крыла, куда обычные посетители почти не заходили.

Здесь не было красивого читального зала с высокими окнами и портретами благотворителей, которыми университет особенно любил производить впечатление на гостей.

Только узкие комнаты.

Тёмное дерево.

Карточные шкафы.

Металлические двери.

Зелёные абажуры.

Запах кожи, клея, угольной пыли и той особенной сырости, которая каким-то образом находила дорогу даже туда, где окна не открывали неделями.

У внутренней стены висел телефон.

Он принадлежал сразу трём отделам и поэтому чаще молчал, чем помогал.

Элиасу здесь нравилось.

Ничего не требовало от него быть интересным.

В дверь постучали.

Не служебно.

Слишком быстро.

Два раза.

Пауза.

Ещё раз.

Элиас поднял голову.

— Войдите.

Дверь открылась.

Сначала появилась рука с папкой.

Потом женщина.

Она была мокрой.

Не настолько, чтобы это можно было назвать катастрофой, но достаточно, чтобы Элиас сразу заметил тёмные пятна на плечах её пальто и несколько капель, упавших на каменный пол.

Рыжевато-каштановые волосы были собраны на затылке и явно находились там только благодаря двум шпилькам и общей решимости не сдаваться раньше времени.

Женщина закрыла дверь.

Посмотрела на него.

— Добрый день.

Элиас перевёл взгляд на её мокрые перчатки.

Она проследила за ним.

— Я не собираюсь класть их на книги.

— Я ничего не сказал.

— Ваше лицо сказало.

Элиас снял очки.

Обычно это помогало.

Не людям.

Ему.

— Чем могу помочь?

Она подошла к столу, но остановилась у деревянной планки, отделявшей рабочую часть фонда от пространства для посетителей.

Элиас это отметил.

Большинство не замечали.

— Доктор Эвелин Мур. Кафедра сравнительной мифологии.

— Знаю.

Она чуть приподняла брови.

Элиас понял, как прозвучало.

— Ваша заявка пришла университетской почтой вчера утром.

— А я уже решила, что произвожу впечатление.

Элиас сделал вид, что не услышал последней части.

На её лице появилось выражение человека, который всё равно получил желаемое.

Она протянула лист.

Элиас не взял.

— У меня есть копия.

— Разумеется.

Он повернулся к картотеке.

— Вам нужен манускрипт В-114. «Литургические фрагменты неизвестного прихода, предположительно 1780–1790 годы».

— Да.

— Доступ ограничен.

— Я указала основание.

— Указали.

— И?

— Оно неправильное.

Эвелин моргнула.

— Простите?

— Вы запросили рукопись как источник по морскому фольклору.

— Потому что это источник по морскому фольклору.

— Каталог утверждает обратное.

— Каталог ошибается.

Элиас посмотрел на неё.

Она произнесла это так просто, будто сообщила, что на улице идёт дождь.

— Каталог составлял профессор Лэнгли.

— Тогда ошибается профессор Лэнгли.

— Он занимался этим собранием тридцать лет.

— Значит, у него было достаточно времени.

Элиас выдержал небольшую паузу.

— Закрытый фонд не выдаёт документы только потому, что исследователь не согласен с каталогом.

— Даже если исследователь прав?

— Особенно если он сообщает об этом до того, как увидел документ.

— Я его видела.

Он остановился.

— Когда?

— Три года назад. На фотокопии из Бостонского исторического общества.

Эвелин сняла перчатки.

Положила одну на другую.

Не на стол.

На собственную папку.

Это было немного лучше.

Она раскрыла папку и достала фотографическую копию.

— Лист сорок семь.

Элиас наклонился.

На снимке была страница рукописи.

Почерк мелкий, местами стёртый. По полям шли латинские пометы, но основной текст был написан на смеси английского, старофранцузского и ещё чего-то менее очевидного.

— Где здесь морской фольклор?

Эвелин показала пальцем.

Не коснулась бумаги.

Он снова отметил это.

— Этот фрагмент каталогизирован как молитва о возвращении умерших.

— Потому что там написано *mortui*.

— Нет.

— Написано.

— Написано *motui*.

Элиас посмотрел внимательнее.

— Такого слова нет.

— Именно.

Она слегка наклонилась к фотографии.

— Писец не знал латыни. Копировал на слух. А дальше идут измерения.

— Даты.

— Глубина воды.

— Это может быть литургический календарь.

— Если после каждого святого здесь принято указывать уровень прилива у северного пирса.

Элиас снова посмотрел.

Числа действительно были.

Он замечал их раньше.

До этой секунды они выглядели как даты.

Теперь — уже нет.

Эвелин перевернула фотографию на свет.

— А вот здесь название места. Профессор Лэнгли принял его за имя святого.

— Откуда вы знаете?

— Святого Керригана никогда не существовало.

— Это не доказательство.

— Для святого довольно серьёзное.

Элиас посмотрел на неё.

Она была совершенно серьёзна.

Или очень хорошо делала вид.

— Подождите здесь.

Он убрал фотографию от края стола и ушёл в хранилище.

Манускрипт В-114 лежал не там, где должен был.

Это само по себе не было невозможным.

Просто неприятным.

Элиас проверил полку.

Потом соседнюю.

Вернулся к журналу перемещений.

Последняя запись была сделана восемь месяцев назад.

Его рукой.

В-114.

Шкаф 3.

Секция 6.

Верхняя полка.

Он помнил тот вечер.

Футляр был слишком широк для соседних коробок, и ему пришлось переставить деревянный ограничитель.

На его нижнем крае был маленький косой скол.

Элиас наклонился.

Скол оставался на месте.

Ограничитель тоже.

Только В-114 исчез.

Вместо него стоял В-141.

Элиас вынул чужой футляр.

За ним обнаружилась узкая пустота.

Нужный манускрипт лежал глубже, между стенкой шкафа и двумя коробками.

Именно лежал.

Боком.

Будто его туда задвинули.
Элиас несколько секунд смотрел на футляр.
Потом осторожно достал.
На крышке была пыль.
Но меньше, чем должна была быть после восьми месяцев.
Элиас провёл взглядом по полке.
Другие поверхности лежали под ровным серым слоем.
На В-114 оставались почти чистые участки.
Как после недавнего прикосновения.
Он не стал трогать их пальцами.
Из соседней комнаты донёсся шелест бумаги.
Элиас взял футляр и вернулся.
Эвелин сидела на одном из служебных стульев.
Технически имела право.
Но почему-то выглядело это так, будто помещение уже успело приспособиться к её присутствию без согласования с ответственным сотрудником.
Она увидела футляр.
Сразу выпрямилась.
Шутливость исчезла.
Это Элиас тоже отметил.
Когда перед ней оказывалась действительно старая вещь, Эвелин переставала играть.
Он положил футляр на рабочую подкладку.
Эвелин сразу взяла свою мокрую папку и переставила её на соседний стул, подальше от стола.
Элиас уже собирался попросить об этом.
Не понадобилось.
Он развязал тесёмки.
Открыл крышку.
Книга внутри была обёрнута выцветшей тканью.
— Не касайтесь переплёта без перчаток.
Эвелин уже доставала тонкие хлопчатые.
— Я иногда умею учиться.
Он ничего не ответил.
Развернул ткань.
Кожанный переплёт был покрыт мелкими светлыми трещинами. На корешке почти не осталось надписей.
— Можно?
Элиас кивнул.
Она начала переворачивать листы.
Медленно.
Перед каждым движением проверяла край.
Не пыталась расправить складки силой.
Не клала ладонь на текст.
Элиас поймал себя на том, что ожидал от неё совсем другой работы.
Более быстрой.
Более уверенной в собственном праве на вещь.
Эвелин подняла взгляд.
— Что?
— Ничего.

— Хорошо.
Она вернулась к книге.
Сорок седьмой лист нашли быстро.
Фотография была точной.
Те же строки.
Те же цифры.
Те же пометы.
Эвелин чуть подалась вперёд.
— Вот.
Элиас прочёл.
Потом ещё раз.
— Вы правы насчёт приливов.
Она медленно подняла голову.
— Простите?
— Вы правы насчёт приливов.
— Я хотела убедиться, что слышала.
Он посмотрел на страницу.
— Однако название места вы перевели неправильно.
Улыбка исчезла.
— Нет.
— Да.
— Это Керриган.
— Это не название места.
— Тогда что?
Элиас указал на знак перед словом.
— Притяжательная конструкция.
Эвелин наклонилась ближе.
Он тоже.
Их головы оказались слишком близко.
Элиас заметил это раньше, чем текст.
Отступил на полшага.
Эвелин смотрела только на строку.
— Тогда получается...
— «Отмель Керри».
— Керри?
— Вероятно, имя владельца земли. Не Керриган.
Она несколько секунд изучала место.
Потом тихо сказала:
— Ненавижу вас.
— Мы знакомы двадцать семь минут.
— Некоторые таланты проявляются рано.
— Вы ошиблись.
— Один раз.
— В строке, которую использовали как доказательство ошибки каталога.
Эвелин посмотрела на него.
Элиас — на неё.
И почти одновременно они произнесли:
— Частично.
Эвелин рассмеялась.

Негромко.
Элиас не собирался.
Но угол рта всё-таки дрогнул.
Она заметила.
И ничего не сказала.
Это оказалось неожиданно приятно.
Работать с ней, к сожалению, тоже оказалось удобно.
Через полчаса первоначальная классификация рукописи окончательно перестала выдерживать проверку.
Это был не молитвенник.
И не совсем судовой журнал.
Скорее сборник текстов человека, который пытался соединить наблюдения за приливами, местный фольклор и ритуальные практики прибрежных поселений.
Большинство записей не представляли особого интереса.
Плохая латынь.
Списки.
Погода.
Указания, когда нельзя выходить в море.
История о женщине, которая слышала колокол под водой.
Упоминание нескольких домов, куда после шторма возвращались люди, не помнившие собственных имён.
За окном постепенно темнело.
В читальном зале включили лампы.
Где-то в глубине здания служащий покати́л тележку с книгами; скрип колёс быстро утонул в стенах.
Эвелин делала заметки карандашом.
Элиас сверял почерк и водяные знаки.
Иногда они спорили.
Но уже короче.
Без необходимости выигрывать каждую фразу.
Через час Эвелин остановилась.
— Подождите.
Элиас придвинул лампу.
На внутреннем поле была запись другими чернилами.
Более поздняя.
Одна строка.
Эвелин прочла первой.
Выражение её лица изменилось.
— Странно.
— Что?
— Здесь написано: «Не оставляй читающего одного».
Элиас посмотрел.
— Нет.
Она повернулась к нему.
— Что — нет?
— Здесь написано: «Оставь читающего одного».
— Там есть отрицание.
— Где?
Эвелин показала.

— Перед словом.
Элиас наклонился.
— Это повреждение волокна.
— Это буква.
— Нет.
— Элиас.
Он поднял голову.
Она впервые назвала его по имени.
Не «мистер Вейл».
Просто Элиас.
Почему-то именно это заставило его посмотреть ещё раз.
Тонкий штрих действительно был.
Совершенно ясный.
Не оставляй читающего одного.
Элиас нахмурился.
— Хорошо.
Он достал увеличительное стекло.
Поднёс к строке.
Штриха не было.
Только маленькая царапина.
Он проверил угол лампы.
Снова.
Ничего.
Элиас молчал.
— Что? — спросила Эвелин.
Он протянул ей стекло.
Она посмотрела.
Долго.
— Нет.
— Что?
— Я видела букву.
— Возможно, чернила бликуют.
— Я видела букву.
— При таком состоянии бумаги...
— Не надо.
Сказано было негромко.
Но иначе, чем всё до этого.
Элиас остановился.
Эвелин снова посмотрела через стекло.
Потом опустила его.
— Простите.
— За что?
— Неважно.
Она снова наклонилась к тексту.
Элиас посмотрел вместе с ней.
Строка читалась ясно.
Оставь читающего одного.
Без отрицания.
Он взял карандаш и записал вариант на отдельной карточке.

Эвелин сделала то же в своём блокноте.

За окном дождь ударил сильнее.

Лампа едва заметно дрогнула.

Элиас поднял взгляд на окно.

Защёлка была закрыта.

— Возможно, повреждённый слой чернил выглядит по-разному под углом, — сказал он.

— Возможно.

Она произнесла это спокойно.

Но слишком быстро.

Элиас закрыл книгу.

— На сегодня достаточно.

Эвелин не возразила.

Именно это ему не понравилось больше всего.

Пока Элиас убирал рукопись обратно в ткань, Эвелин стояла возле окна.

Дождь стал мельче.

Двор за стеклом почти исчез в ранних сумерках. Только тёмные фигуры студентов время от времени проходили под фонарями, и вода блестела на камнях.

Элиас закрыл футляр.

Перевязал.

Потом взял каталожную карточку.

В-114.

Литургические фрагменты неизвестного прихода.

Он зачеркнул классификацию одной тонкой линией.

Написал ниже:

Прибрежные записи. Фольклорные и ритуальные материалы. Классификация предварительная.

Эвелин подошла.

— «Предварительная»?

— Да.

— Разумная предосторожность?

— Именно.

— Как удобно.

Он поднял взгляд.

Она уже надевала перчатки.

Сначала одну.

Потом вторую.

— Я могу прийти завтра?

Элиас посмотрел на закрытый футляр.

— С рукописью ещё далеко не закончено.

— Поэтому и спрашиваю.

— После двух.

— Хорошо.

Она взяла папку.

У двери задержалась.

— Постараюсь ничего больше не исправлять в вашем каталоге без разрешения.

— Был бы признателен.

— Я сказала «постараюсь».

Дверь закрылась.

В комнате стало тихо.

Элиас несколько секунд смотрел на дверь.
Потом вернулся к столу.
Работы оставалось достаточно.
Нужно было составить отметку о неправильном размещении манускрипта.
Исправить индекс.
Сверить журнал.
Подготовить служебную записку профессору Лэнгли.
Последнее особенно не радовало.
Он сел.
Попытался продолжить.
Не получилось.
Через несколько минут Элиас снова открыл футляр.
Только чтобы проверить одну вещь.
Сорок седьмой лист.
Внутреннее поле.
Строка была на месте.
Он придвинул лампу.
Не оставляй читающего одного.
Элиас замер.
Перечитал.
Потом взял увеличительное стекло.
Отрицание было совершенно ясным.
Маленький тёмный штрих.
Не царапина.
Не складка.
Чернила.
Элиас медленно снял очки.
Протёр их носовым платком.
Надел обратно.
Строка осталась прежней.
За дверью в дальнем коридоре слышались шаги.
Элиас поднял голову.
Шаги остановились.
Тишина.
Потом —
два коротких стука.
Пауза.
Ещё один.
Точно так же стучала Эвелин.
Элиас смотрел на дверь.
— Доктор Мур?
Никто не ответил.
Он встал.
Подожёл.
Открыл.
Коридор был пуст.
У дальнего стола горела единственная лампа под зелёным абажуром.
Рядом стояла тележка с возвращёнными книгами.
Никого.

Элиас постоял несколько секунд.
Закрыв дверь.
Вернулся к рукописи.
Он уже собирался убрать её, когда заметил на нижнем поле небольшую отметку.
Круг.
Линия не сходилась вниз.
Элиас посмотрел внимательнее.
Не узнал знак.
Взял новую карточку.
Написал:
Неидентифицированная маргинальная отметка.
Подумал.
Добавил:
Вероятно, поздняя.
Положил карточку рядом с остальными.
Она выступала на три миллиметра.
Элиас поправил.
И только после этого заметил, что всё ещё прислушивается к шагам в коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.